

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КУЛЬТУРНО-СРЕДОВЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ С ПОНЯТИЕМ «ЭКСТРЕМИЗМ» В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ РУНЕТА

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-18025 «Исследование современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов».

Статья посвящена методике контент-анализа трендов сопряженности идеологием с понятием «экстремизм» в информационном поле Рунета. Авторами делаются выводы о динамике, структуре и перспективах экспансии идеологемы «экстремизм» в современном общественном сознании. Можно увидеть не только традиционно связанные с экстремизмом идеологемы, но и те, которые пока связаны с ним в меньшей мере, однако могут войти в информационное поле в ближайшее время. Представленная методика может служить прикладным инструментом планирования приоритетных направлений профилактики экстремизма, в том числе и молодежного.

Ключевые слова: экстремизм; молодежь; глобализация; методика; контент-анализ; идеологемы; Рунет; психопрофилактика.

Коммуникационный бум, сблизивший все человечество и превративший его в единое целое, породил понятие глобализации [1]. Одним из важнейших непосредственных проявлений глобализации является небывалый рост объема информационных потоков. На сегодняшний день основной информационной средой, местом циркуляции информации и ее огромным всемирным хранилищем является Интернет. Поэтому медийное информационное Интернет-пространство является доминирующим культурно-средовым фактором современности и в значительной степени определяет личностное и групповое сознание современной молодежи. Используя глобальную сеть Интернет и возможности компьютерной коммуникации, идеологи экстремистских движений и групп активно воздействуют на самосознание молодых, на ещё не устоявшуюся систему социокультурных координат российской молодежи [2, 3]. В результате в последние годы происходит обострение проблемы молодежного экстремизма, и для того чтобы способствовать преодолению девиаций в молодежной среде, необходимо изучение социокоммуникативных условий ее жизнедеятельности.

В научных исследованиях, посвященных проблеме экстремизма, отсутствует концептуальное единство, экстремизм рассмотрен под разными углами, выделено такое количество причин возникновения данного феномена, что его сущность потеряна, не ясна специфика его возникновения и не обозначены четкие границы его проявления. Выделяемые в научной литературе формы экстремизма в зависимости от сфер жизнедеятельности общества (экономический, национальный, политический, религиозный, экологический и духовный) являются абстрактными и недостаточными для классификации и типизации проявления экстремистского поведения, так как не отражают специфику скрытых (латентных) форм экстремизма. Поэтому определение глубинных причин (ценностно-смысловых, мотивационных, индивидуально- и социально-психологических), лежащих в основе молодежного экстремизма, анализ культурно-средовых факторов, способствующих формированию экстремистско-

го поведения, являются актуальными задачами современной психологии.

Для осуществления главной цели проекта – исследования современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов – была поставлена одна из промежуточных задач – анализ идеологием, традиционно и не только традиционно связанных с понятием «экстремизм» в российском сегменте Интернета (Рунета), с целью определения приоритетных направлений психопрофилактики экстремизма в сфере молодежного самосознания.

Предварительно была исследована динамика развития популярности использования в текстах понятия «экстремизм» за последние 100 лет. Для этого был использован мультязычный онлайн-сервис Ngram Viewer, работающий на базе сервиса Google Books и позволяющий анализировать социо-психо-культурные тренды за последние 200 лет на основе содержания электронных книг, проиндексированных в Google Books. Русскоязычный же контент пока проиндексирован до 2008 г. Динамика употребительности понятия «экстремизм» сопоставлялась с динамикой смежных по смыслу понятий: «терроризм», «радикализм», «оппозиционность», «хулиганство». График на рис. 1 показывает, что всплеск интереса авторов текстов разных жанров (научных и публицистических) к понятию «экстремизм» приходится на 1990-е гг., но до конца десятилетия понятие «радикализм» превалировало в русскоязычных дискурсах. В начале 2000-х гг. понятие «экстремизм», равно как и понятие «терроризм», употребляется с постоянно и резко нарастающей частотой, в то время как употребляемость остальных смежных понятий пошла на спад не только в сравнительном, но и в абсолютном количестве.

Несколько иное соотношение наблюдается, если провести сравнительный анализ для производных от рассмотренных понятий нарицательных обозначений индивидов: «экстремист», «террорист», «радикал», «оппозиционер», «хулиган». Понятие «экстремист» используется реже остальных, и в 2000-х гг. наблюдается небольшой спад в абсолютной частоте его употребления (см. рис. 2).

Google books Ngram Viewer

Graph these comma-separated phrases: case-insensitive
between and from the corpus with smoothing of .

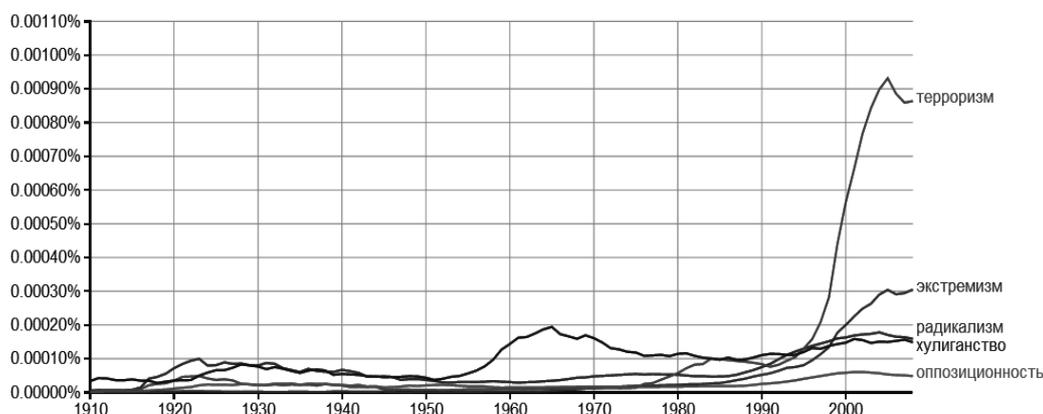

Рис. 1. Сравнительная употребляемость понятия «экстремизм» в русскоязычных текстах за последние 100 лет по данным сервиса Google Books Ngram Viewer

Google books Ngram Viewer

Graph these comma-separated phrases: case-insensitive
between and from the corpus with smoothing of .

Рис. 2. Сравнительная употребляемость понятия «экстремист» в русскоязычных текстах за последние сто лет по данным сервиса Google Books Ngram Viewer

Идентификация человека как экстремиста затруднена и редка, проще обвинить кого-то в экстремизме, но не назвать его экстремистом. Проще и чаще всего происходит идентификация террористов, далее по частоте идут хулиганы, радикалы и оппозиционеры. Предполагаем, что выявленная сравнительная затруднённая дефиниций обусловлена расширением сферы использования понятия экстремизм с одновременным уменьшением определённости его смысла.

Сервис Ngram Viewer не позволяет учитывать сопряженность слов в одном контексте и не учитывает информацию сайтах. Поэтому далее был произведен частотно-тематический контент-анализ индексируемого в поисковиках русскоязычного сегмента Интернета, позволивший измерить сопряженность термина «экстремизм» с различными идеологемами. Данный

подход очевидно пересекается с экспериментальной лингвистикой с той разницей, что при сборе данных не было конкретных респондентов, выдававших вербальные ассоциативные связи с понятием «экстремизм». В список идеологем включались все циркулирующие в современном русскоязычном сегменте Интернета названия политических учений, течений и концепций (всего 121 идеологема). Для сбора статистических данных в поисковую строку системы Яндекс после слова «экстремизм» вводился в скобках синонимический ряд основных обозначений идеологем и знак «или» на языке поисковых запросов, например (сепаратизм || сепаратистский || сепаратист). Яндекс, а не Google был выбран исходя из того, что язык поисковых запросов Рунета в Яндексе развит лучше, и кроме того, Google часто выдаёт избыточ-

ную статистику, несмотря на релевантные результаты при сложных запросах (в начале указывается большее количество сайтов, чем можно в действительности открыть в результатах текущего поискового запроса). Использование такого вида запроса позволяло отфильтровать сайты, в которых экстремизм не был однозначно представлен в одном контексте с вычисляемой идеологией. Затем количественные характеристики сопряженности идеологием визуализировались для более удобного использования, а также для целостного восприятия системных свойств информационного поля.

Предлагаемая методика визуализации подобна так называемому «облаку тегов», но в слоистой арочной модификации (рис. 3). Близость слоя к центру фигуры означает большее количество сайтов с использованием в одном контексте понятие «экстремизм» и какой-либо идеологии. Яркость закрашки слоя, толщина слоя и размер шрифта также указывают на силу со-

пряженности с понятием «экстремизм». Количественная зависимость числа сайтов визуализирована на рис. 1. следующим образом: ядро – более 1 млн сайтов; 1-й слой – от 100 тыс. до 1 млн; 2-й слой – от 50 тыс. до 100 тыс.; 3-й слой – от 10 тыс. до 50 тыс.; 4-й слой – от 1 тыс. до 10 тыс.; 5-й слой – от 100 до 1 тыс.; 6-й слой – от 1 до 100; 7-й слой – 0 (нет сопряженности ни в одном контексте).

Полученный срез информационного поля идеологием является вероятностным отображением, не дифференцированным по культурно-социальным стратам. Такая дифференциация не была бы релевантной для общедоступной информационной среды, так как любой текст на сайтах может быть прочитан любым пользователем. В такой ситуации уместна только частотная дифференциация вербальных полей. Результаты такой дифференциации позволяют установить, прежде всего, какие идеологии чаще, а какие реже связываются в общественном сознании с экстремизмом.

Рис. 3. Распределение в Рунете частоты связей различных идеологием с понятием «экстремизм»

Рис. 3 демонстрирует, что чаще всего экстремизм связывается с терроризмом (более миллиона сайтов), поскольку терроризм невозможен без экстремистских установок (имеются обратные ситуации). Следующий за смысловым ядром первый слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте в диапазоне от 100 тыс. до 1 млн, представляет следующие сопряженные ожидаемые понятия: американизм, анархизм, гитлеризм, гуманизм, дискриминация, евразийство, идеология, исламизм, капитализм, коммунизм, консерватизм, конфуцианство, либерализм, либертианство, марксизм, нацизм, парламентаризм, расизм, революционизм, регионализм, сепаратизм, социализм, терроризм, фашизм, федерализм. Слой представляет обобщённые названия мас-

совых политических движений, идеологий, методов установления политического господства, формы экстремизма, широкий спектр авторитарных и националистических направлений – идеологии, обозначающие общественные процессы и явления, являющиеся наиболее часто обсуждаемыми в информационном поле Рунета и являющиеся общемировыми трендами.

Однако дальнейшее распределение идеологием по слоям не всегда очевидно и ожидаемо.

Второй слой, включающий также большое количество сайтов (в диапазоне от 50 тыс. до 100 тыс.) с упоминанием экстремизма в своем контексте, представляет следующие сопряженные понятия: антисемитизм, декабризм, деспотизм, диссидентство, индивидуализм, кадетство, конспирология, монархизм,

нигилизм, популизм, сионизм, утопизм, феминизм, феодализм, шовинизм. Этот слой включает также общемировые тренды вместе с сайтами, отражающими идеологемы правозащитной и диссидентской деятельности, проявлений независимой гражданской и культурной инициативы и пр.

Третий слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (в диапазоне от 10 тыс. до 50 тыс.), представляет следующие сопряженные с экстремизмом понятия: автономизм, алармизм, антиглобализм, антигуманизм, кейнсианство, лейборизм, мессионизм, монетаризм, ницшеанство, областничество и др. Этот меньший по количеству сайтов, но достаточно репрезентативный слой включает самые различные идеологемы – от космополитических до лоббистских, идеологемы, отражающие политические позиции, стили риторики, политические движения, идейные течения, системы моральных, политических и социальных мировоззрений и пр.

Четвертый слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (слой в диапазоне от 1 тыс. до 10 тыс.), представляет следующий понятийный ряд: интернационализм, колониализм, маргинализм, лассальянство, мондиализм, октябризм, этатизм. Слой отмечен присутствием на сайтах экономических, демографических теорий, философских направлений и духовных течений, сопряженных с понятием «экстремизм».

Пятый слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (в диапазоне от 100 до 1 тыс.), представляет следующие сопряженные с ним понятия: фронденство, тоталитаризм, фриганизм, гандизм, консюмеризм, ломброзианство. Слой включает сайты, контент которых связывают экстремизм с гражданско-политическими проектами, социальными движениями, религиозными течениями, политическими программами.

Шестой слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (в диапазоне от 1 до 100), представляет следующие сопряженные понятия: трансгуманизм, платформизм, криптоанархизм, луддизм, иллегализм. Слой включает количество сайтов, контент которых связывают экстремизм с социально-политическими и религиозно-философскими учениями, с локальными политическими режимами и движениями.

Седьмой, последний слой, представляющий нулевую частоту сопряженности, не менее важен, чем остальные. Он показывает те понятия, которые пока еще не вошли в дискурсивное поле экстремистской тематики в русскоязычных текстах, но, учитывая очевидное расширение тематики, могут в него войти. Например, понятие «абстенционизм» (активный бойкот парламентских выборов) в русском политическом дискурсе используется на данный момент очень редко. Между тем в англоязычной практике понятия «abstentionism» и «extremism» часто употребляются в одном контексте. Поэтому не исключено, что через какое-то время повторный контент-анализ покажет перемещение понятия «абстенционизм» из «нулевого» слоя ближе к тематическому ядру экстремизма.

Сегодня определенность понятий «экстремизм», «экстремистский», «экстремист» в современных дискурсивных практиках постепенно размывается. Эти понятия могут быть использованы в самых различных контекстах. Из обозначения конкретных форм политического и социального поведения эти понятия стихийно превращаются в общеупотребительные, почти универсальные термины. В этом легко убедиться, если проверить с помощью интернет-поисковиков сопряженность слова «экстремизм» с различными прилагательными. Мы встретим почти все возможные сочетания: «экономический экстремизм», «педагогический экстремизм», «кулинарный экстремизм», «философский экстремизм», «эстетический экстремизм», «анаболический экстремизм» и т.п. Можно предположить, что с понятием «экстремизм» в начале XXI в. происходит то же самое, что когда-то произошло с понятием «социальное» в XX в., на что указывал еще Ф.А. Хайек (1988). По его мнению, «социальное» («общественное»), вероятно, стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике. Вышло так, что всего за сто последних лет его современное употребление, его сила и влияние (сложившиеся в Германии во времена Бисмарка) с большой скоростью распространились по всему миру [4]. Приводя список более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальный», Ф.А. Хайек в конце седьмой главы своей книги делает предположение, что понятие «социальный» стало бесполезным в качестве средства коммуникации вследствие того, что получило так много различных значений. В качестве вывода из проведенного анализа такое же предположение мы, видимо, имеем право сделать и по поводу перспектив понятия «экстремизм». Так и «экстремизм» превращается в универсальное осуждающее понятие и используется порой в противоположных смыслах противостоящими сторонами. Например, «экологический экстремизм» используется как по отношению к экологам, вредящим технократам, так и по отношению к технократам, вредящим экологии. Также выяснилось, что использование в СМИ и блогах понятий, противопоставляемых «экстремизму», по поводу одного и того же информационного повода может быть как позитивным («пацифизм», «дипломатичность»), так и негативным («конформизм», «соглашательство»).

На следующем этапе исследования планируется сопоставление дискурсивных практик в медийном информационном пространстве с результатами ассоциативных опросников, предлагаемых студентам. Такое сопоставление позволит установить направления и степень влияния сетевых образов экстремизма на собирательный образ экстремизма в региональных молодежных выборках [5]. Мы исходили при таком членении этапов исследования из того, что идеологический политический аспект для экстремизма является исходным, базовым и ключевым, а все остальные аспекты, в том числе, например, религиозный – производными.

Таким образом, идеологическое пространство Рунета включает различные идеологемы и контр-идеологемы, рождающиеся из встречи западных цен-

ностей эпохи Просвещения и «периферийных» культур, отражающих возрождение чувства этнической идентичности, религиозного фундаментализма, рост национализма, усиление роли «панидеологических» потоков, столкновения на почве религий, идеологий, языка, культур, ценностей; распространение в мировом масштабе западных (прежде всего американских) стандартов поведения, образа жизни, потребления, досуга. При работе с подобным контент-анализ-инструментом следует учитывать, что, во-первых, это срез текущего состояния, и анализируемый здесь частотный срез контента сделан в июне 2014 г. Ситуация может меняться постепенно даже в течение года, поэтому необходимо повторять подобные срезы регулярно для понимания динамики перемещения идеологием ближе или дальше от тематики экстремизма. Во-вторых, наблюдаемая тенденция скорости и масштабов распространения информации в современных медиа могут создавать информационные поводы, которые приведут к чрезвычайно быстрому (в течение нескольких часов) изменению статуса какого-либо понятия в информационном поле. В-третьих, установление граничных условий применения этого инструмента поз-

волит практикам противостояния различных групп политического влияния в современной России избежать казусов применения понятия «экстремизм» к явлениям и текстам, которые относятся к древности, к иной исторической и культурной реальности (имеется в виду судебный процесс 2011–2012 гг. в Томске о признании экстремистским материалом русскоязычной версии комментированного перевода главного священного канонического индуистского текста кришнаитов «Бхагавад-гита как она есть»).

Представленная методика может служить своеобразным прикладным инструментом планирования приоритетных направлений профилактики экстремизма, в том числе и молодежного. Можно увидеть не только традиционно связанные с экстремизмом идеологии, но и те, которые пока связаны с ним в меньшей мере, однако могут войти в информационное поле в ближайшее время. Содержательный анализ семантики и смысла связей – это уже следующий этап, необходимый для прицельной психотерапевтической работы, подробное рассмотрение которого не входит в задачи данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неклесса А.И. «Российский проект» в новой системе координат XXI века // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / сост. и отв. ред. А.И. Неклесса и др. М. : Вост. лит., 2002. С. 385–416.
2. Войскунский А.Е. Психологические аспекты деятельности человека в интернет-среде // 2-я Российская конференция по экологической психологии : тезисы (Москва, 12–14 апреля 2000 г.). М. : Экопсицентр РОСС. С. 240–245.
3. Путилова Е.А. Интернет как фактор формирования информационного общества : дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004. 186 с.
4. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992. 304 с.
5. Emma I. Meshcheryakova, Aleksei V. Bocharov, Anastasiya V. Larionova Analysis of Representations of Extremism from Convicted Under Art. 282 of the Code Using the Multidimensional Socio-Psychological Classification // European Journal of Psychological Studies. 2014. Vol. (2), № 2. P. 36–46.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 4 августа 2014 г.

CONTENT-ANALYSIS OF INTERDEPENDENCE BETWEEN CULTURAL-ENVIRONMENTAL IDEOLOGICAL FACTORS AND THE DEFINITION OF “EXTREMISM” IN THE INFORMATION FIELD OF RUNET

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 211-216. DOI: 10.17223/15617793/389/36

Meshcheryakova Emma I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mei22@mail.ru

Bocharov Aleksey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bav346@rambler.ru

Keywords: extremism; youth; globalization; methodology; content analysis; ideologemes; Runet; psychoprophylaxis.

The paper analyzes the notion “extremism” and its connection with different ideologemes used in the Russian Internet segment (Runet). This project is part of the study aimed at the analysis of contemporary forms of youth extremist behavior in connection with cultural and environment factors for further psychological measures and prevention of extremism among young people and their self-comprehension. Methodology. The research is based on Experimental Linguistics. For the content analysis we used Multi language Ngram Viewer operating with the help of Google Books that enabled us to reveal and analyze social, psychological and cultural content trends which have been used in the Google e-books in the last 200 years (the Russian content is codeindexed till 2008). Frequency of the term “extremism” used by the young people was compared to the sense-related notions “terrorism”, “radicalism”, “opposition”, “disorderly conduct” etc. The content analysis of the most frequent words of the codeindexed Russian segment of the Internet showed relevance of the term “extremism” to other ideologemes. The statistical data of the relevance of the term “extremism” to other ideologemes were visualized for better perception of the system qualities of the info field. The visualization method is similar to the so called ‘word cloud’, but represented in the laminated round-headed form. The layer which is closer to the center of the figure means a bigger amount of websites where the term “extremism” is used in one context with some ideologeme. Results. The ideological part of the Runet info field comprises ideologemes and counterideologemes formed as collision of Western virtues of Renaissance and some marginal subcultures reflecting enlightenment of ethnic identity, religious fundamentalism, nationalism, pan-ideological tendencies; religious, ideological, language and cultural confrontations; values used worldwide with imposition of American standards of behavior, lifestyle, consumerism, entertainment. The results show the dynamics, structure and expansion perspectives of the word “extremism” in the contemporary common perception. The methods used are original and could be applied to prevent youth extremism, to eliminate behavior deviations in the youth environment and to be a tool for priority goals planning.

The research is supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, Project 14-06-18025 “Investigation of contemporary forms of youth extremist behavior in connection with cultural and environment factors”

REFERENCES

1. Neklessa A.I. "Rossiyskiy proekt" v novoy sisteme koordinat XXI veka ["Russian project" in the new coordinate system of the 21st century]. In: Neklessa A.I. (ed.) *Global'noe soobshchestvo: kartografiya postsovremennogo mira* [Global community: The mapping of post-contemporary world]. Moscow: Vost. Lit. Publ, 2002, pp. 385-416.
2. Voyskunskiy A.E. [Psychological aspects of human activity in the Internet environment]. *2-ya Rossiyskaya konferentsiya po ekologicheskoy psikhologii: tezisy* [2nd Russian Conference on Environmental Psychology: Theses]. Moscow: Ekopsitsentr ROSS Publ., 2000, pp. 240-245. (In Russian).
3. Putilova E.A. *Internet kak faktor formirovaniya informatsionnogo obshchestva*. Dis. kand. sotsiol. nauk [Internet as a factor in the information society. Sociology Cand. Diss.]. Tyumen, 2004. 186 p.
4. Hayek F.A. *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma* [Fatal conceit. Errors of Socialism]. Moscow: Novosti Publ., 1992. 304 p.
5. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V., Larionova A.V. Analysis of Representations of Extremism from Convicted Under Art. 282 of the Code Using the Multidimensional Socio-Psychological Classification. *European Journal of Psychological Studies*, 2014, vol. (2), no. 2, pp. 36-46. DOI: 10.13187/issn.2312-0363

Received: 4 August 2014